

Александр Цекало:

«Я НЕ УМЕЮ
ПЕРЕШАГИВАТЬ
ЧЕРЕЗ ЛЮДЕЙ»

С аша, когда вы в первый раз поняли, что есть выбор, — например, делать или не делать, как общаться с ровесниками в детском саду, школе, с воспитателями, учителями?

Наверное, во всем, что касалось организации жизни в детском саду, выбора не было. Это было понятно всем детям. Нужно было есть, спать, гулять, что, в общем-то, неплохо. Сейчас мне кажется, что можно было выбрать, с кем ты хочешь дружить, а с кем — нет. Это касалось и мальчиков, и девочек. В пять лет я был влюблен в одну девочку. Но она выбрала другого мальчика, с которым я дрался из-за нее. А вообще в садик я ходил с радостью. С семи лет начал ездить в пионерские лагеря. И тоже с удовольствием. Но у меня не было выбора. Меня туда просто отправляли. Бывали такие летние сезоны, когда я два или три месяца находился в пионерлагере, в одном или разных. Но мне нравилось и это. И ничего плохого я там не «подцепил». Ни физически, ни морально. Никакого напряжения не чувствовал. Да, надо было вставать рано на зарядку... Да, линейка... Но я все это любил. Любил дежурить. Особенно в столовой. Там всегда можно было добыть хлеб, потому что чуть-чуть недоедали. Любил праздники песни и строя. Стоять на каких-то воротах, кого-то встречать, бегать, звать... Не говоря уже о том, чтобы ходить вечером в кино, а когда стал постарше — на танцы, участвовать в лагерных КВН (это движение уже тогда было мощным и очень популярным) и каких-то конкурсах... Наверное, там и зародилась моя любовь к лицедейству (*улыбается*). **В пионерских лагерях не было никаких противоборств, когда надо было выбрать чью-то сторону?** Любой человек на любом этапе, особенно осознанном, всегда стоит перед выбором. Учить или списывать, драться — не драться, завоевывать девушку или нет... Я хочу быть хорошим учеником или мне все по фигу... Я хочу быть таким, как этот, или таким, какой я есть. Это уже более сложный выбор. А за этим

СЕГОДНЯ АЛЕКСАНДР ЦЕКАЛО УСПЕШЕН НА ВСЕХ ФРОНТАХ — КАК В ЛИЧНОЙ, ТАК И В ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. НЕСМОТРЯ НА ЧАСТОЕ ПОЯВЛЕНИЕ В ЭФИРЕ, К НЕМУ НЕ ПРИМЕНИМ ГЛАГОЛ «НАДОЕЛ». ПОТОМУ ЧТО ФАМИЛИЯ «ЦЕКАЛО» — ЭТО ВСЕГДА ГАРАНТИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРОГРАММ И ХОРОШЕГО ЮМОРА. ПРИЧЕМ ШУТИТ, ПОЧТИ НЕ УЛЫБАЯСЬ, КАК ЮМОРИСТЫ САМОГО ВЫСОКОГО РАЗЛИВА. КАК С ТЕЛЕЭКРАНА, ТАК И ЗА КАДРОМ.

следует: «Чем я могу быть оригинален?» Я учился в цековской, как ее называли в народе, школе. Это была хорошая английская спецшкола, пять предметов учили на английском языке. Туда меня устроил дед. У нас не все, конечно, «мажоры» были в классе, но их было достаточно. И ты думал: вот этот — высокий, красивый, в него влюблены все девочки двух классов, а у этого папа министр, у него большая квартира, и, когда родителей нет, мы там собираемся. А я маленький, некрасивый, папа не министр — значит, я должен уметь что-то, что не умеет он. А я в пионерских лагерях бегал

восьмом классе мы ставили отрывок из пьесы «А зори здесь тихие», и я играл старшину Васкова. То есть литература, театр и музыка стали меня отравлять с самого раннего возраста. Я прочитал все, что было дома, а потом стал таскать книжки у брата. Представьте: мне 14, а ему 19. И у него начали появляться самиздатовские книги, то, что еще не печатали официально, например «Мастер и Маргарита» или Даниил Хармс. Я понял, что есть что-то, что знаю только я: мои одноклассники даже не слышали об этих авторах. Это придавало мне уверенности. Потом я увидел дома у своего одно-

«К ДЕСЯТОМУ КЛАССУ Я БЫЛ АВТОРИТЕТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. ДРАТЬСЯ СО МНОЙ НЕ ХОТЕЛИ, ПОТОМУ ЧТО Я УМЕЛ»

в старшие отряды и слушал, как они пели под гитару, и видел, что рядом с парнем, который играл, всегда были девушки. Позже я понял, что в эту войну за противоположный пол каждый год что-то добавляется. И в 14 лет, лежа в больнице, решил, что освою гитару. И не просто научился, а создал группу в школе. Мы играли на танцах и школьных вечерах. Причем в этом возрасте я был в состоянии совершенно спокойно осознавать все свои внешние несовершенства. Я стал очень много читать, еще серьезнее заниматься музыкой, участвовал в театральных постановках. Помню, что в седьмом или

классника четырехтомник «Сказки Гофмана». Я спросил: «А что это?» Он сказал: «Да я начинал читать, какая-то фигня». Я попросил почитать, он не дал. И тогда (это практиковалось, хотя мы не имели права, это же были родительские книги) я поменял четырехтомник или трехтомник Фенимора Купера на Гофмана. И не жалею до сих пор. Эти книги у меня дома по сей день. Тогда сказки Гофмана были большой редкостью. Я понял, что и сказки бывают разными. Потом у меня сложилась в голове цепочка. Я вначале прочел Булгакова. И когда начал читать что-то про

Булгакова, выяснилось, что он просто фанател от Гофмана, говорил: «Эта гофманиада». Соответственно уже к этому возрасту мои знания и умения в области книг, театра (кино — нет, потому что кино было такое же, как у всех) были намного больше, чем у моих одноклассников. В общем, к десятому классу я был авторитетным человеком. Драться со мной не хотели, потому что я умел. Был лидером группы — это круто. Мне палец в рот не клади, потому что я читал много книг, был умнее (*улыбается*). В старших классах я сделал свой главный выбор: решил, что хочу заниматься актерством.

А где к музыке приобщались?

Магнитофоны тоже купить было не так просто, а уж достать популярные пластинки...

У меня был магнитофон «Юпитер», 202 или 203, бобинный. Советские пластинки продавались, а зарубежные иногда привозились. У моего одноклассника Сережи Нечипора мама преподавала русский язык иностранным студентам в таком киевском университете Патриса Лумумбы. И они делали разные подарки, в том числе в виде пластинок. И потом она им просто сказала: «Не надо никаких конфет, вот пластинки буду брать». И мы их слушали у него дома. У нас были две гитары, простые акустические, две барабанные палки, а нас сначала было трое, потом четверо. Так создавалась группа. Мы не знали нот, не знали, что такое «цифровка». В детстве я начинал учиться на фортепиано, потому что моя тетя — преподаватель консерватории. Но у меня это не пошло. А потом уже гитарой серьезно занимался в эстрадно-цирковом училище, в школе джазового аккомпанемента. И вот, слушая эти пластинки, мы подбирали песни, которые хотели играть: «Битлз», «Смоки»... Потом стали учить какие-то нотки. Вот так все начиналось.

А как относились учителя к группе и к вам в связи с этим?

По-моему, не было ни негативной, ни позитивной реакции. Помню, что как-то мы показали препода-

вателю по английскому языку, причем хорошему, текст песни Come together «Битлз», и она не смогла перевести некоторые фразы, потому что они очень сленговые.

И она была обескуражена: «Вам это нравится?!» Но наши учителя были достаточно интеллигентными людьми, чтобы делать из этого какую-то измену Родине, да и время уже было другое. К тому же где-то в 76–78 году у нас стали продаваться гибкие пластинки с песнями «Битлз», «Кридэнс» и т.д.

Когда вы поняли, что пойдете в сторону театра и музыки, для себя решили, что какие-то предметы вам не нужны и вы их не учите?

Начиная с девятого класса родители дали понять, что мне нужно учиться на одни пятерки, потому что при поступлении в институт учитывался средний балл. В итоге в моем аттестате была одна четверка — по черчению. Причем это было связано с условным конфликтом с педагогом. Некоторые задания за детей делали родители. Проверить это было невозможно: домашняя работа. И так как у меня родители инженеры, то, когда нам задали начертить три ящика в трех разных проекциях, я понял, что сам это никогда не сделаю, и попросил папу. Папа выполнил это идеально. Я, гордый, принес чертеж, и преподаватель поставил... «четыре». Я не понял почему. Может быть, он не поверил, что я сам это сделал, но никак не мотивировал и не аргументировал оценку. И когда папа меня спросил: «Сколько?» — я ответил: «Четыре». Он сказал: «Не может быть» — и пошел в школу, ругаясь: «Почему вы ставите «четыре» ребенку за такую работу, он всю ночь рисовал!» Но тот все равно не исправил. Преподаватель был такой, что с ним не очень связешься: ветеран войны, без ноги, такой немножко злой дядечка. Рисование в младших классах я кое-как у него выкрутил, а вот с черчением не вышло. Так что я не получил золотую медаль. Но средний балл все равно был «пять».

А родители хотели техническое образование для ребенка?

Да, и в девятом классе отправили меня к репетиторам по физике и математике. Но занятия по физике я стал прогуливать, а деньги оставлять себе. Поскольку там был безразличный преподаватель, он даже не звонил родителям. А математик был замечательный, надеюсь, он и есть. Прекрасный Савелий Натанович Рабинович, который еще давал смотреть репродукции Тулуз-Лотрека, Ван Гога и собирался уехать в Калифорнию, что, собственно, и сделал буквально по окончании наших уроков. Дальше я поступал в Киевский политехнический институт. И на устной математике записал уравнения, которые нужно было решить, не словами, а математическими эквивалентами — такими закорючками, которыми начинают пользоваться на первом или втором курсе специализированных институтов. Меня же этому научил на свою беду Савелий Натанович. Мне сказали: «Мы видим, что ответ правильный, а что это за закорючки?» — «Как закорючки? Вы же преподаватель математики». — «Я не знаю, что это такое». И я верю, что он не знал, потому что в тот год в приемной комиссии сидели преподаватели из Полтавы: так боролись с коррупцией — меняя педагогов. Мне поставили «три». И когда я спросил: «Почему «три», ответы же правильные?» — «Ну, вы как-то не так решили». — «Давайте я перепису словами». — «Поздно». Тогда еще не принято было писать письма, подавать в суд. В итоге мне не хватило баллов. И родители наши в Ленинграде заочный технологический институт. Туда я поступил легко. Начал учиться на заочном отделении и работать слесарем-наладчиком.

Почему слесарем, а не лаборантом, допустим, в каком-нибудь НИИ?

Я работал лаборантом одно время, просто было удобно — рядом с домом. Но поскольку я уже тогда не исключал такой возможности, что мне придется работать по специальности, то, как человек ответственный, подумал: «Надо профессией заниматься» — и пошел слесарем.

что один композитор, протеже какого-то преподавателя, пришел к четверокурсникам и заставляет петь его песни на выпускных экзаменах. Через молодых исполнителей продвигали свое творчество. Не бог весть, какая сатира, но был страшный скандал — мол, мы не знаем, что у него жена болеет, надо ему помочь. Возможно, мы кого-то и обидели, но все писалось в стиле обожаемого нами Даниила Хармса. Но не всеми этот юмор понимался. **Неумным и смелым вы, однако, были. Заканчивая, думали, куда, что?**

У нас был квартет «Шляпа», с которым мы и поступали. И уже на четвертом курсе знали, что поедем работать в Одесскую филармонию, куда нас пригласили. Там проработали два года. Потом я в Москву поехал.

Словом, «в Москву, в Москву, в Москву»...

Да, заколебали уже эта Украина, и Одесса, и Одесская филармония.

«ТЕЛЕВИДЕНИЕ – ЭТО БИЗНЕС СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ. КОНКУРЕНЦИЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. ВОЙНА КАЖДЫЙ ДЕНЬ»

Дослужился до шестого разряда за три или четыре года. Но к тому моменту мне так все это надоело, что я пошел в свою школу и сказал, что потерял аттестат. Взял дубликат и поступил на дневное отделение эстрадно-циркового училища, сразу на второй курс. Перестал работать, продолжая ездить в Питер на экзамены. Устав мотаться туда два раза в год и сдавать всякую техническую хрень, подготовился и за месяц экстерном сдал все за оставшиеся полтора года. Трудно было ловить педагогов, это было не принято, но я закрыл эту тему — окончил институт для родителей.

Они были счастливы?

Да! У ребенка есть нормальная профессия. И продолжал учиться в эстрадно-цирковом училище. У меня была специализация — музыкальная эксцентрика. Под ней подразумевалось в принципе умение делать все: петь, танцевать, играть на инструментах, показывать фокусы, шутить.

В институте ни с чем проблем не было?

Катастрофических не было, скорее забавные. Мы с приятелем стали выпускать газету «Кнут и пряник» и вешать ее в коридоре. Она была сатирической, мы в ней писали стихи, рассказы. Все это имело отношение к жизни училища. Потом нас вызвали к директору и сказали: «Не надо больше выпускать газету». Мы спросили: «Какую?» — «Вот эту, «Кнут и пряник». Тогда мы выпустили газету «Стейк энд сэндвич». Нам сказали, что и эту тоже не надо. Следующей была «Розги и мозги». Потом еще какая-то. Все названия крутились вокруг «Кнута и пряника». Потом нам объяснили, что не надо больше во-о-бще! ничего выпускать. А мы писали о том, что студенты друг у друга воруют деньги по карманам в гардеробе, о том,

А куда делась «Шляпа»?

Двое ребят из коллектива просто не хотели жить в Москве, для них это не было радостью. Сказать, что у них не было амбиций... Наверное, они были, но не связанные с Москвой. Еще с одним участником мы разошлись по принципиальным понятиям о жизни. И, собственно, я один остался в Москве.

Ну и как, почувствовали, что Москва вас приняла?

Москва никого не принимает. Но особенно и не отторгает. С Москвой надо договориться. У меня был хороший стимул: я не хотел возвращаться в Киев. А вариантов было еще два. Остаться в Москве, добившись чего-нибудь, либо уехать куда-нибудь за границу.

Вы об Америке думали?

Скорее всего, да.

Это было связано с музыкой?

Да, потому что сначала работа была в основном связана с музыкой. Разговорный жанр в дуэте «Академия» появился позже. Но я понимал, что не такой я музыкант, чтобы покорять Америку. К тому же в 28 лет начинать в другой стране с нуля... И никаких знакомых... К счастью или к несчастью, что-то стало получаться в Москве. У меня была реальная возможность уехать туда позже. Есть в Нью-Йорке некая Марина Ковалева, которая занимается гастрольями разных артистов. И она готова была договориться о наших выступлениях на английском

языке в каких-то комеди-клубах. Она нам это первая предложила. Но тогда, когда мы здесь уже были популярны. И был другой груз: как бросить то, что так тяжело было заработать. Она приводила на наши концерты американцев, переводила им тексты, которые мы произносили, и они сказали, что такой жанр — перепалки между мужчиной и женщиной в песнях и в тексте плюс работа со зрителем — вполне может пойти у них, что это абсолютно американский вариант. Это было очень заманчиво. Но тогда мне уже было не 28, а 32, даже 34. Менять и начинать было еще тяжелее.

Вы уже тогда почувствовали, что профессией стали реально зарабатывать?

По большому счету понимаешь, что ты обеспечен, тогда, когда можешь отказаться от работы, просто отдыхать. Когда тебе звонят, предлагают концерт, а ты говоришь: «Не хочу», потому что лень. Если бы удивили гонораром (*улыбается*)... И у меня уже в тот период была попытка сделать так, чтобы работа меня не победила. Чтобы я был главным, а не она. Тогда это у меня не вышло. Хотя я начал от нее отказываться. Но не смог этого сделать в полной мере. Фактически у меня это получилось

«ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК –
ЭТО, НАВЕРНОЕ, ЧТО-ТО
ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ. ПОЭТОМУ
ВСЕГДА ДОЛЖНО БЫТЬ ЧТО-ТО
НЕ ТАК, НЕПРАВИЛЬНО»

лишь года два назад. Работа же покупает человека деньгами, славой, влиянием. Чем больше денег, тем больше сравнений. Другой автомобиль, другая квартира, другие вещи, другие клипы, дорогие аранжировщики, песни у дорогих композиторов. Начинается другая жизнь, другие затраты. Другие проблемы. И их намного больше.

С каким соблазном вам сложнее бороться: с деньгами или славой?
А они рядом всегда. Одно конвертируется в другое. Очень редко, когда есть слава, а денег нет.

Но слава может быть разной...
И деньги тоже бывают разными. Это все одно из другого вытекает.

И у нас у всех есть в жизни что-то, за что нам стыдно.

При всей стабильности «Академии» вы в какой-то момент стали понимать, что хорошо бы что-то поменять, что засиделись?

Нет, было очень много планов у дуэта «Академия», с одной стороны; с другой, я, в принципе, догадывался, что когда-нибудь займусь телевидением. Я же придумывал программы, в которых мы снимались, писал с разными авторами тексты, идеи предлагал, показывал, продавал. Я все равно уже занимался продюсерской деятельностью, поэтому было понятно,

что я в это уйду так или иначе. Не скакать же до старости.

Ну почему скакать. Вы ведь и снимались. Работа в «Ландыше серебрястом» была очень симпатичной. Или как актера вы себя не видели?

А кроме «Ландыша» ничего и не было. Если бы сейчас были хорошие сценарии, я бы снимался. Но их нет. Мне сегодня интереснее снимать кино как продюсеру. Вместе со Славой Хаитом и Лешей Барацем мы продюсировали фильм «День радио». Будем делать третье кино с «Квартетом И». По пьесе «Разговоры мужчин среднего возраста». Пишется сценарий фильма «Большая разница»,

пародийного кино, с актерами из одноименной передачи. Готовим еще одну комедию. В общем, в планах три-четыре фильма.

А самому в чем-то сняться, вот и сценарии хорошие? Даже маленькой ролью себя не побалуете?

Да я спокойно к этому отношусь. Будет ролька — сыграю. Но есть другие приоритеты.

Вас с Лешей и Славой связывают дружеские отношения или просто хорошие рабочие?

Мы попытались найти такую форму отношений, при которой та дружба, которая у нас есть, не мешает совместному бизнесу.

И что это за форма?

Это сложно. Но надо периодически обращаться к книжкам по нейролингвистическому программированию, и будет очень легко и хорошо в жизни. Там учат гасить излишнюю агрессию, претензии и при этом добиваться своего.

И эти же книжки читают и Леша, и Слава?

Нет. Они чистые агрессоры.

А был и негативный опыт в работе с друзьями?

Меня как-то почти миловала судьба. Необязательно учиться на ошибках и съедать ложку дегтя. Можно этого избежать. Так же, как, на мой взгляд, не нужно все пробовать на себе. Что-то, безусловно, и у меня было. Но, говоря о плохом, притягиваешь плохое. Зачем?!

Вы так верите в материализацию мысли?

А я этим пользуюсь. Как же мне не верить?

И это во всех сферах работает — и в творчестве, и в личной жизни?

Во всех. Посмотрите фильм «Секрет», который вышел два года назад.

Были в вашей жизни события, которые вас меняли?

Я думаю, что серьезно менялся дважды за последние годы. В 2000 и 2007 году. В 2000 году распался дуэт «Академия». И в 38 лет теряешь то, чему посвятил 15 лет жизни, и искать новую работу — это тяжело. А два года тому назад я встретил свою жену.

У вас есть какие-то негативные черты, о которых можно сказать вслух?

Если у человека только положительные качества, наверное, он шпион. Поэтому и у меня есть негативные черты, и у вас — у всех. Из этого сотканы люди. И не надо этого бояться. Идеальный человек — это, наверное, что-то отвратительное. Поэтому всегда должно быть что-то не так, неправильно.

Для вас имеет значение, что говорят о вашей работе? Как относитесь к критике?

Мне важно, что думают зрители. Я же делаю все не для домашнего просмотра. Поэтому успех программы, то, что о ней говорят, мне, безусловно, важно. Но я никогда не ориентировался на то, что пишут критики. При этом сказать, что мне неприятно, когда они хвалят, было бы неправдой. До какого-то момента телевизионная критика не замечала меня (а музыкальной у нас нет; те, кто пишет о шоу-бизнесе, это сборище несчастных людей, пожалеем их). А когда появилась «Большая разница», то девять из десяти страшных телевизионных критиков назвали ее программой года. И это было неожиданно и приятно. Я не предполагал, что к этому так серьезно подойдут. Но если они не будут хвалить, не стану рвать на себе волосы. Но вообще поощрение нужно. Это все равно стимулирует людей. Но не похвала для меня является двигателем.

А премии?

У меня есть три премии ТЭФИ. Но дело в том, что телевидение — это такой бизнес, в котором, что ты сегодня добился успеха, не имеет никакого значения. Завтра зрителю и даже каналу, на который ты работаешь, и профессионалам из телевизионного сообщества это уже все равно. Нет долгих успехов на телевидении. Каждый день ты должен доказывать. Поэтому премии — это здорово! Но в дальнейшем тебе это не зачтется никак. Можно сделать программу с высочайшим рейтингом, а следующие четыре года биться в истерике, потому что все проваливается.

И зритель будет говорить: «Да он не умеет ничего делать» — и есть у тебя эти железяки или нет, хвалили тебя когда-то или нет, неважно. Телевидение — это бизнес сегодняшнего дня. Конкуренция каждый день. Война каждый день.

Невольно услышала, как вы кому-то сказали по телефону: «Это вопрос этического характера».

И какие табу в этом смысле у вас на «войне»?

Есть некая система, при которой комфортно работать и жить. Причем очень простая: не надо воровать, не надо говорить неправду... Если ничего плохого не делать даже несимпатичным тебе людям, то тебе от них ничего плохого и не придет. Может быть, и ничего хорошего не свалится, но лучше двадцать раз договориться или обсудить что-то «на берегу», чем потом разруливать неприятные ситуации.

Но с кем-то «на берегу» договариваешься, а по факту происходит по-другому...

И такое бывает. Ничего страшного. Но надо уметь закрываться от этого. Я теряю нить, если она начинает напрягать. Просто отрезаю ее.

«Ничего личного — бизнес» — это не про вас?

Нет, я перешагивать через людей не умею; как говорится, «не моя тема». Но в любом бизнесе нужно быть принципиальным. Жестким. Демократия, панибратство с подчиненными и их приближение уместны только до определенного уровня. Поэтому речь не идет о том, что для меня комфортная жизнь — это когда все гладко и пушисто. Нет, где надо, я буду жестким и суровым. Но нельзя позволять себе «заходить в квартиру с грязными ногами».

Но, наверное, и вам случалось идти на компромиссы, чтобы осуществить нечто более важное?

Безусловно, продюсер — это человек, который понимает, что такое компромисс. На компромиссы приходится идти, но не со своей совестью, потому что ты начинаешь мучиться, а от этого рак бывает. Не надо мучиться. В одном случае нужно подождать. А в другом — понять, что

«ЕСТЬ МЕСТА, ГДЕ ЖДУТ. ЭТО ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ, ЧТО ВСЕ ЕСТЬ И НИКОМУ НИЧЕГО НЕ НУЖНО. ВСЕ НУЖНО!»

не стоит туда идти, там все занято, никто тебя не ждет. Но есть места, где ждут. Не может быть такого, чтобы все было занято, зарезервировано. Это только кажется, что все есть и никому ничего не нужно. Все нужно! Настоящим компромиссом является то решение, которое комфортно для двух сторон, условно или явно конфликтующих. Это не всегда удастся, но к этому надо стремиться. Или разойтись так, чтобы это было правильное расставание. Бывает, что ты хочешь сделать какую-то программу с конкретным ведущим. Он тебе необходим, но на него посягает еще один канал или продакшн-компания, и здесь возникает очень много вопросов: кто конкурирующая сторона, как ведет себя этот ведущий, чью сторону принимает он. И вот здесь могут быть компромиссы. Бывает, что надо побороться. А бывает, надо просто понять, что лучше отойти в сторону.

Вас борьба стимулирует?

Меня не нужно стимулировать. Я если не это, так другое сделаю. Есть столько интересных проектов, жизни не хватит. Поэтому надо выбирать только то, что тебе очень интересно, выгодно финансово, принесет удовольствие, то, от чего не будет чувства стыда и что делается с приятными симпатичными людьми. И если существует возможность выбора — это и есть счастье.

И что из ваших программ, проектов вы считаете успешным по всем этим составляющим?

Из того, что мы сейчас делаем, это «Большая разница» — серьезный бренд Первого канала, который производит наша компания «Среда».

Обиженных гостей не было?

По-моему, только Жандареву и Берману не понравилось. Все остальные радовались. Мы не делаем обидных пародий. Не задаемся целью никого оскорбить.

По-моему, сейчас вы уже просто заработали себе это право, эту возможность...

Да, поэтому надо делать правильные выборы раньше. Чтобы потом главный не профукать!

Марина Зельцер